

С. Г. Арешян

ПРОБЛЕМА ОБЩНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ И ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В истории армяно-грузинских культурных и литературных связей проблема исторического романа занимает совершенно особое место. Вопрос не только в том, что нельзя раскрыть культурные комплексы наших народов без учета их общих связей и взаимодействий; невозможно, как справедливо утверждал в свое время Н. Я. Марр, арменоведение без грузиноведения и наоборот, вопрос заключается в общих линиях духовного и исторического культурного и литературного развития. Одной из таких очень интересных и ярких линий является развитие исторического романа.

Вопрос развития исторического романа — один из наиболее сложных в литературоведении. Этому вопросу посвящены многочисленные исследования и статьи. В теоретическом понимании исторического романа много дискуссионного и по сей день.

Исторический роман занимает большое место в советской литературе. Советские писатели оказались в особо благоприятных условиях прежде всего потому, что у них на вооружении имеется марксистско-ленинская историческая наука. Вместе с тем наши писатели явились прямыми наследниками всего того лучшего, что было создано в жанре исторического романа. Очень большое значение этому жанру придавал в свое время А. М. Горький. Это он советовал молодому Федину писать историческую драму, приветствовал первые шаги в этом направлении Чапыгина, Тынянова, Ольги Форш. Он требовал от писателей «строго придерживаться суровых указаний исторической правды».

Одной из характерных особенностей советского исторического романа является то, что он многонационален. В этом романе нашли свое воплощение исторический опыт всех народов нашей великой родины. Написанные на многочисленных языках произведения советских писателей на исторические темы воскрешают героические страницы нашего прошлого. Рядом с Алексеем Толстым, Чапыгиным, Тыняновым, Сергеевым-Ценским встали Н. Рыбак, А. Ильченко, С. Склярченко, М. Ауэзов, Айбек, К. Гамсахурдиа, Ш. Дадиани, А. Белиашвили, Д. Демирчян, Ст. Зорян, Арази и многие другие представители многонациональной советской литературы.

Никита Сергеевич Хрущев, выступая 12 мая 1961 года на юбилейном заседании в Тбилиси, отметил, что «грузинская культура неразрывными узами связана с культурой других народов нашей страны», что «в наше время интернациональные связи грузинских писателей,

художников, композиторов, артистов со своими братьями в других республиках стали еще более прочными»¹.

Современный исторический роман в грузинской и армянской литературе очень интересен своей многоплановой общностью. Общим является генезис романа, генезис, имеющий не только совпадение хронологическое во времени (V век), но и единство по существу, имея общий родник в сочинениях историков и агиографической литературе. И дело заключается не только в том, что это были зачастую источники, друженно перекликавшиеся, взаимно переводившиеся, но это были, что самое важное, родоначальники жанра.

Другим очень существенным моментом является общность литературного наследия, литературных традиций. Эту общность определила близость и сотрудничество грузинских и армянских писателей последующего времени и особенно XIX и XX веков.

Решающим для современных грузинских и армянских романистов является общность философских посылок. И для Гамсахурдиа, и для Демирчяна, и для Даднани, и для Зоряна единым является понимание исторического процесса, теоретическое осмысление закономерностей развития общества.

Очень важным фактором является тематическая общность, определяющаяся общностью исторических судеб. И в грузинских, и в армянских исторических романах ведущую роль играет тема борьбы за свободу и независимость родины. Об этой борьбе с иноземными захватчиками повествует и Демирчян в романе «Вардананк», и Гамсахурдиа в романах «Давид-Строитель» и «Десница великого мастера». Эта тема — лейтмотив, раскрывающий историческое прошлое.

Другой объединяющей и вместе с тем ведущей темой является тема о связях наших народов с Россией. Эта тема освещает политическую ориентацию грузинского и армянского народов на протяжении веков. Писатели на большом историческом материале показывают ту исключительно благотворную роль, которую сыграла Россия в жизни грузин и армян. Этой теме посвящен и роман Ш. Даднани «Юрий Боголюбский», и романы «Израэл Ори» Арази и «Мхитар спарапет» Серо Манзадяна. Эта тема присутствует и в других исторических романах.

Тематически исключительно важной является история революционного движения, история борьбы за социалистическую революцию. Эта «родословная революции» — один из решающих моментов в развитии исторического романа в грузинской и армянской литературе.

Исторический роман сыграл значительную роль в развитии социалистического реализма в армянской и грузинской литературе. Этот жанр завоевал всеобщее признание в силу того новаторства, с которым советские писатели подходят к раскрытию исторической темы. Новаторство в том, что советский исторический роман вполне современен.

¹ Речь товарища Н. С. Хрущева на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном 40-летию установления Советской власти и образования Коммунистической партии Грузии 12 мая 1961 года. «Правда», 13 мая 1961 года.

Это не парадокс, а особенность метода. Может быть вполне современен роман, написанный на историческую тему, а может быть архаичным роман из современной жизни. На вопрос: не предполагает ли подобная трактовка переодевания наших современников в исторические костюмы — мы ответим: отнюдь нет. Современность и актуальность советского исторического романа следует понимать совершенно иначе. Прежде всего современность исторического романа обусловлена принципом отбора исторического материала, анализом этого материала, оценкой идеологической жизни того времени, о котором идет речь.

Особенностью новаторства советских писателей является то, что они подходят к изучению прошлого с определенной исторической концепцией. Советский писатель не становится рабом документа, за фактическими данными он всегда старается разглядеть закономерности и живую историческую действительность. Очень удачно говорил об этом Тынянов: «Есть документы парадные, и они врут, как люди», — писал он в 1930 году. — «Там, где кончается документ, там я начинаю. Представление о том, что вся жизнь документирована — ни на чем не основано: бывают годы без документов. Кроме того, есть такие документы: регистрируется состояние здоровья жены и детей, а сам человек отсутствует. И потом сам человек — сколько он скрывает, как иногда похожи его письма на торопливые отписки! Человек не говорит главного, а за тем, что он считает главным, есть еще более главное. Ну, и приходится заняться его делами и договаривать за него, приходится ооходиться самыми малыми документами... Я чувствую угрызения совести, когда обнаруживаю, что недостаточно далеко зашел за документ или не дошел до него, за его неимением».

Вопрос о современности исторического романа явился предметом оживленной дискуссии. Так, С. П. Злобин возражает против противопоставления романов современных — историческим. Той же точки зрения придерживается и Гамсахурдия. В своей блестящей статье «Непроизнесенное слово» Гамсахурдия утверждает: «Л. Толстой не мало писал о событиях, ему не современных, а Флобер — о пунических войнах, но они не обозначали свои романы термином «исторический»... Если писатель данной эпохи нашел себе тему, которая корреспондирует с запросами своей эпохи, то он ищет современный роман»¹. Нам кажется, что в данном вопросе совершенно правы авторы, видящие особенность советского исторического романа именно в том, что он современен, условно современен, конечно.

Есть еще одна черта нашего исторического романа — это переключка прогрессивных тенденций разных эпох. Наше общество, наиболее прогрессивное в сегодняшнем мире, осваивает опыт передовых тенденций в истории человечества. Восприятие этого опыта — задача не только историков, но в значительно большей мере писателей в силу широты того резонанса, который приобретает художественное произ-

¹ «Дружба народов», 1959, № 7, стр. 213—214.

ведение. Как для историка, так и для писателя решающей становится политическая оценка эпохи. В истории жанра это особенно очевидно, если сопоставить, например, исторические романы Загоскина, Мережковского или Андрея Белого с романами Алексея Толстого, К. Гамсахурдиа или Д. Демирчяна.

Советский грузинский и армянский исторические романы современны в самом лучшем смысле этого слова. Никто не может отрицать сейчас актуальности произведений Гамсахурдиа, Даднани, Зоряна, Демирчяна, Белиашвили, написанных на историческую тему.

В самом деле, если мы обратимся к сравнительному анализу отдельных произведений, то увидим, что и «Десница великого мастера» и «Вардананк» не только современны, но и перекликаются с прогрессивными тенденциями прошлого. К. Гамсахурдиа в романе «Десница великого мастера» остановил свое внимание на двух моментах в историческом прошлом Грузии: на великой творческой силе народа, на его чудесных созидательных способностях и на борьбе за укрепление и независимость родины. Вместе с тем роман глубоко гуманистичен, ибо это повесть о великой человеческой любви, для которой не страшны ни общественные преграды, ни страдания, ни смерть.

«Вардананк», в свою очередь,— героическая симфония, ведущая тема которой — идея защиты родной земли от иноземных захватчиков. Это эпическое полотно большого дыхания и широты, именно «Вардананк», а не Вардан Мамиконян. В этом смысл философии родины — священна земля родины, величественно народное движение, разлившееся, подобно горному потоку, самоотверженны люди, ставшие во главе этого движения. Борьба за свободу сочетается со стремлением к объединению и укреплению государственности.

Крестьянин Саак, обращаясь к Вардану, говорит: «Будем бороться, спарамет, из поколения в поколение будем бороться, и когда-нибудь для нас заблещет свет... Глубоко взволнованный. Вардан посмотрел на Саака, на окружавший его народ и печально покачал головой:— Свобода — трудное дело, крестьянин... да, но мы устремимся к ней из поколения в поколение...»

В этих идейных посылах сюжетная общность обоих романов, их общая художественная тональность.

Гамсахурдиа ставит перед собой поистине благородную задачу: «Писатель — заступник преданных забвению героев», — пишет он. Так представляет он цель исторического романиста. Трудно возразить против этого эстетического кредо, в этом афоризме заключена целая творческая программа. Это умение видеть в прошлом героическое, это стремление к воскрешению исторической правды, это, наконец, умение в поэзии истории видеть поэзию больших человеческих чувств.

О каких героях идет речь? Речь идет, естественно, о героях народных, о таких людях, как Константин Арсакидзе. Известно, что цари всегда имели своих летописцев и еще при жизни старались гарантировать себе бессмертие, народные же герои оставались в тени, сохра-

няясь в памяти и сердце поколений, но время стирало их имена, как стирает оно подчас и надпись, высеченную на камне. Надпись становится неразборчивой, и эпиграфика исторического романа в том именно и заключается, чтобы прочесть эти стертые имена и живыми вручить человечеству.

Эти народные герои, народ воскресают на страницах «Вардананка» больше того, к пониманию, чем является народ в жизни государства, приходят различные слои, и даже Старшая госпожа, мать спарапета Вардана Мамиконяна прозревает: «И вот сегодня эта завеса спала, и народ встал перед нею во весь рост — народ, которому лишь одному по плечу было отвести великое бедствие хотя бы ценой своей праведной крови»¹.

В романе «Десница великого мастера» образы сложны и многогранны. Гамсахурдиа талантливо раскрывает общественные и сугубо личные, интимные стороны бытия своих героев. Таков царь Георгий. Крупный государственный деятель, он стремится к сплочению и укреплению грузинского царства. Но у царя Георгия есть такие стороны, которые скрыты в тени, хотя и являются иногда основными стимулами поведения.

У Гамсахурдиа особый глаз и особое видение мира. Много жизненной правды видит и знает Гамсахурдиа, правды современной и исторической. Поэтому так многогранны его художественные образы.

В государственном деятеле — Георгии он подглядел душу ребенка, сердце страстного мужчины и понял, что чем сильнее человек, тем труднее жить ему на свете. Гиршел гоним Георгию: «...сильному приходится труднее. Вот почему так грозен оскал льва, тигра и гепарда. Белки, мыши и барсуки шмыгают вечно веселые. В Аравии мне приходилось слышать, как режут львы. Выйдет лев в пустыню и ревет. Как громовые раскаты, разносится вокруг него скорбный рев, он ужасом сквозывает душу».

Не менее сложны и богаты художественные образы у Демирчяна. Раскрывая образ Вардана Мамиконяна, он видит в нем прежде всего государственного деятеля с государственным мышлением. Судьбы родины неотделимы для него от судеб народа.

Вдумчиво очерчен образ Старшей госпожи. Умудренная опытом жизни, она поняла, что государственные интересы важнее личных. Демирчян рисует женщину глубоко человеческую, мудрую, которая в ходе исторических событий умеет отказаться от многих предрассудков своей среды. Характерны народные герои и героини — Аракел, Погос, Хандут, Старуха и многие другие. Эти рядовые люди — великие демократы, гуманисты и свободолюбцы, и о них с особенной выразительностью пишет Демирчян.

Сопоставляя образы этих двух романов, мы видим, что общность писателей заключается и в том, что у них единый подход к историческим

¹ Д. Демирчян, «Вардананка», ГИХЛ, М., 1956, стр. 407.

характерам. Но наряду с общностью в понимании исторических характеров воплощение их различно и у каждого художника неповторимо своеобразно. Для Демирчяна типично большое количество образов и их детализация, у Гамсахурдиа они не только численно ограничены, но сделаны более компактно и сжато.

В историческом романе неизбежно встает вопрос о роли личности в истории. В зависимости от того, как решается этот вопрос, писатель трактует образ исторического героя. Лев Толстой утверждал, что «царь — раб истории» и что личность не может играть существенной роли в историческом процессе. Отсюда его художественное воплощение Наполеона и Кутузова.

У советских писателей в этом вопросе много преимуществ перед Толстым. Правильное понимание философии истории делает их героев активными участниками исторического процесса, хотя и ограниченными закономерностями общественного развития. Это наглядно можно проследить в произведениях Ш. Дадлиани, Белиашвили, Стефана Зоряна и других. Это очень ярко проявилось и у Гамсахурдиа в образе Георгия. Георгий решительным образом воздействует на события, хотя он и ограничен сложным комплексом экономических, политических, дипломатических и военных условий своего времени. Эта ограниченность галантливой личности Георгия рамками своего времени хорошо раскрыта в заключительном аккорде, завершающем образ. Георгий добровольно уходит из жизни. Он уходит потому, что сознает, что все на свете «суета сует и томление духа». Разочарованный в престоле, обеспечивавшем ему неограниченную власть, разочарованный в богатстве, славе, преклонении, он приходит к пониманию, что все это не могло дать ему главного, основного в жизни — любви. Поэтому жизнь утрачивает для него смысл и, потеряв к ней интерес, он пытается уйти в народ и жить его жизнью, растворившись в нем простым охотником Плахуной. Но здесь выступает беспощадность и критичность реализма Гамсахурдиа. Писатель прекрасно понимает, что в жизни никому не удавалось осуществить сказки Гарун аль Рашида — ни царям, ни писателям, и Георгий, лишенный этой последней надежды, умирает от укуса змеи.

Не менее сложен и противоречив образ Васака в «Вардананке». Васак изменяет родине, но делает это в силу обстоятельств, которые он не в состоянии преодолеть. Образ его трагичен, для него все потеряно — и родина, и семья, и дети. Недаром поучает его Михрнерсэ, как поднимаются на царский трон. Михрнерсэ говорит: «У государственного мужа детей нет. Насколько мне известно, ты замыслил сесть на царский трон? А у трона ступенек нет. На трон поднимаются по трупам детей, родителей, народов... Не очень сладко на троне!»¹

Васак противопоставляет себя народу, и в этом также секрет его

¹ Д. Демирчян, «Вардананка», ГИХЛ, М., 1956, стр. 662.

бессилия. Он понимает, что народ не с ним, его предательство и ложные позиции ведут логически к неизбежному поражению.

И Вардан Мамиконян, и Георгий, и Васак активно вмешиваются в ход исторических событий, хотя деятельность их обусловлена объективными жизненными обстоятельствами.

Величие народа определяется силой его творческого духа. Гамсахурдиа сумел блестяще раскрыть это созидательное устремление грузинского народа. В «Деснице великого мастера» все время присутствует Мцхетский Свети-Цховели. Свети-Цховели звучит как музыкальная тема в симфонии, она не всегда слышна, но она всегда сохраняется в сложной партитуре.

Необычайно богата и многообразна палитра художника, когда он мазок за мазком рисует Свети-Цховели. Эти краски светят различно в зависимости от времени дня и погоды. Гамсахурдиа пишет: «Всегда прекрасен этот храм: утром, освещаемый солнцем, он отливает цветом ящерицы; к закату весь омыт золотом, а в сумерки, когда на него глядит звездный свод, контуры его, полные суровой гармонии, рассекают небо».

Замечательный грузинский романист перекликается с Виктором Гюго, у которого таким же образом нетленным и вечным нарисован образ Собора Парижской богородицы. Но если у Гюго Собор — символ католицизма, то у Гамсахурдиа Свети-Цховели — символ богоборчества. Арсакидзе говорит Шорене: «Всю свою жизнь я, безумец, искал бога: в Пхови, в Лазистане, в Византионе. Но потом я понял, что когда человек живет для народа, ему не нужен бог. Человек должен стать соперником бога».

Сила творческого дерзания прекрасно воплощена в образе Константина Арсакидзе. Арсакидзе — великий мастер-зодчий, это тот избранник, которому суждено воплотить лучшие творческие устремления народа. Судьба его печальна, как, впрочем, судьба всех великих мастеров прошлого. Он пленник царя Георгия, он раб по своему положению, но тем сильнее и дерзновеннее его творческий дух. Это противоречие между внешним положением и внутренним содержанием очень хорошо раскрыто писателем. Арсакидзе строит Свети-Цховели. Он учился в Византии, но давно превзошел он своих учителей. Со свойственной ему афористичностью Гамсахурдиа пишет: «Кто не был учеником, тот никогда не станет мастером, но и тот не станет мастером, кто смотрит только в рот учителю».

Чем труднее материал и чем больше он оказывает сопротивления, тем сильнее должна быть творческая личность. Чем труднее преодоленный материал, тем долговечней произведение искусства. И, может быть, счастье наших братских народов заключалось именно в том, что и у грузин, и у армян строительным материалом был камень. Гамсахурдиа как-то правильно заметил, что у нас общие храмы и общие памятники искусства. Эта близость зодчества у грузин и у армян является только лишним доказательством исторической дружбы двух

соседних народов. Но у нас не только общность зодчества, у нас и общность материала, этого трудного камня, который преодолевался мастерами — грузинами и армянами. Давно превратились в прах угнетатели, а Свети-Цховели и Гехарт возвышаются в вечность, бессмертно купаясь в синеве неба.

Константину Арсакидзе был дан великий творческий гений, и его десница рождала из бесформенных глыб произведения искусства. Поэтому ему верили рабочие и каменотесы, которые умирали, но строили, гибли во имя бессмертия народа.

Мудрость Гамсахурдиа-историка заключалась в том, что он не просто живописал феодальную Грузию, но анализировал социально-политические взаимоотношения эпохи. Очевидно, что в тех общественных условиях, в которых творил Арсакидзе, он не мог рассчитывать на признание, больше того, судьба его была неизбежно трагична. По приказу Георгия отрубают десницу, ту самую, которая была созидательницей величайших произведений искусства и строила Свети-Цховели.

Гамсахурдиа, исключительный мастер детали, лаконично, но с редкой выразительностью пишет: «Когда кривой тбилисский палач Сагира стукнул руку у больного мастера, даже у Сагиры из единственного глаза потекли слезы». Мудрость народа находит прежде всего свое выражение в художественной литературе. В «Деснице великого мастера» нашла свое воплощение историческая мудрость грузинского народа. Эта мудрость вобрала в себя и любовь к свободе, и стремление к творчеству, и понимание искусства, и веру в настоящую любовь. «Любовь это бог на земле», — думает Арсакидзе. Настоящая любовь выходит за границы жизни. Такова любовь Ромео и Джульетты, Лейли и Меджнуна, Шорены и Арсакидзе.

Роман Гамсахурдиа глубоко национален. Он отражает характерные черты грузинского народа, это нашло свое выражение не столько в описании быта и нравов, сколько в психологических характеристиках и в воплощении человеческих отношений. В романе продолжены и развиваются национальные традиции грузинской литературы. Это та же высота и то же благородство, что и у героев Руставели. Сколько общих черт у Арсакидзе и у Таризла, у Шорены и у Нестан-Дареджан. И прежде всего общим является рыцарство души, то духовное благородство, которое свойственно лучшим представителям народа.

Интересен образ Фарсмана Перса. Это не традиционный злодей исторического романа — это восточный мудрец и философ, пройденец и жулик, но вместе с тем человек, подверженный всем превратностям судьбы, и человек глубоко несчастный.

Хотелось бы обратить внимание на одну особенность творческого метода Гамсахурдиа — это его особая манера широкого использования метафор. Такой метафорой к образу Фарсмана Перса является настойчивый рефрен: «И снова покатила амфора бездонная». К образу Шорены образ оленихи Небиери, гибель которой предвосхищает

гибель Шорены. Расширенной метафорой единства и светлого будущего Грузии является Свети-Цховели. Акцентируя этот момент, Гамсахурдиа пишет: «Свети-Цховели, воздвигнутый в сердце Грузии, на видном месте, впитавший в себя дух Грузии, был самым замечательным зданием, построенным юным зодчим. Арсакидзе понимал, что этот храм будет служить делу объединения Грузии, борьбы ее с внешними врагами».

Говоря о «Деснице великого мастера» и о романе «Вардананк», необходимо отметить, что общность этих произведений заключается и в их своеобразии и оригинальности. У двух больших мастеров грузинской и армянской литературы историческая тема нашла свое самостоятельное творческое воплощение. Это сказалось особенно на различных творческих манерах художников. Гамсахурдиа — Ван Гог в живописи и Скрябин в музыке. Крупными, резко контрастными мазками накладывает он краски. Резцом скульптора высечены немногочисленные герои «Десницы великого мастера». Он дает глубокий внутренний подтекст и иногда не договаривает, заставляя думать и догадываться читателя.

Совершенно иным является мастерство Демирчяна. Для него характерна эпичность и многоплановость рисунка, сочетающиеся с глубоким лиризмом, да и сам рисунок выписан с необычайной тщательностью. Демирчян — это Суриков в живописи и Бах в музыке. Роман его полифоничен, и параллельно звучащие темы имеют самостоятельное значение.

Общность Демирчяна и Гамсахурдиа проявилась и в отражении духовного мира героев. Писатели с особой глубиной и силой передают «диалектику души», психический склад человека. Но и в этой общности имеется оригинальное своеобразие. И Гамсахурдиа, и Демирчян строят образ на типической детали, но у Демирчяна деталь эта нередко сатирического плана и в этом отношении он ближе к Гоголю. У Гамсахурдиа деталь зачастую трагическая, привносящая мотив порочности в облик героя.

И Демирчян, и Гамсахурдиа раскрывают в далеком прошлом мучительные поиски правильных исторических путей. Они показывают, что наши братские народы не только сражались за свою независимость и государственность, но и одновременно боролись за справедливость, за освобождение творческого созидания, за счастье и благополучие грядущих. В этом смысле подлинно народными страницами истории становятся предысторией нашего времени, предысторией социализма.

Исключительно велики и значительны достижения советского грузинского и армянского исторического романа. Соприкасаясь непосредственно с лучшими представителями русской исторической прозы, писатели братских народов внесли ценный вклад в культурную сокровищницу человечества. Они воскресили героев, преданных забвению, и посвятили современников в мир благородных и высоких человеческих чувств еще «дымящегося прошлого».

Но сила художника не только в воздействии на современников, настоящий мастер хранится в памяти поколений. Как песня грузинского народа, как звуки армянского языка, как сказка и роспись, хачкар и миниатюра сохранит для грядущих поколений перо исторических романистов душу своего народа, душу, слившую прошлое с современностью.